

доставление в органы внутренних дел и многочасовые беседы оперативных сотрудников с подозреваемым в совершении преступления лицом, результатом которых зачастую и выступает явка с повинной, судами, решающими вопрос о мере пресечения, в качестве задержания не рассматриваются. Временем задержания суд обычно считает время составления протокола о задержании, несмотря на наличие совершенных до составления протокола обысков и допросов.

⁸ См. об этом: Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК общепризнанных принципов и норм международного права: дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Б. Алексеева. – М., 2003. – С. 39.

⁹ Вопрос этот был предметом рассмотрения органами адвокатского сообщества Палаты адвокатов Самарской области и действия адвоката К-к признаны не соответствующими ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодексу профессиональной этики адвоката.

¹⁰ См., например: Верховный Суд РФ. Определение от 2 ноября 2006 года № 4-о06-139сп.

¹¹ См.: Конституционный Суд РФ. Определение от 2 февраля 2006 года № 57-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей второй и пятой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 3.

*Н. Е. Петрова**

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Общество не может существовать без конфликтов, и всякое нарушение права предполагает ответ. Характер и интенсивность реакции непосредственной жертвы правонарушения в формах самоуправства и кровной мести последовательно ограничивались и смягчались государством, которое постепенно отбирало у пострадавшего и его родичей функцию адекватного воздаяния. Общество вырабатывало определенное отношение к отклоняющемуся (девиантному) поведению своих членов и также отвечало на него более или менее агрессивно. Со временем система воздаяния за содеянное выросла в колоссальное государственное образова-

* © Петрова Н. Е., 2007

Петрова Наталья Евгеньевна – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет

ние, которое в современном мире носит название официальной уголовной юстиции.

Однако общество достигло в настоящее время такого уровня развития, который заставляет говорить о кризисе многих социальных систем, в том числе официальной юстиции. Резкая критика современного уголовного правосудия заставляет искать новые, более эффективные формы реагирования на преступления, отвечающие более высоким стандартам справедливости и человечности.

Рост преступности стал пугалом современного мира. Однако, как показывают западные и отечественные криминологические исследования, мощь уголовной юстиции направлена большей частью против социально незащищенных слоев населения, тогда как преступность власти, богатства и интеллекта, институционально организованная и коррупционная преступность остаются практически нетронутыми¹. Эта ситуация вполне удовлетворяет власть и правоохранительные органы, позволяя последним оправдывать свое существование высокими показателями раскрываемости простейших преступлений. Таким образом, в тюрьмах в основном оказываются те, кто не способен квалифицированно защищаться, не прикрыт депутатской, должностной и иной неприкосновенностью, а пребывание в местах лишения свободы лишь укрепляет антисоциальную мотивацию и разрушает навыки жизни в обществе.

Сегодня ряд криминологов все настойчивее говорят о «кризисе наказания» как такового, о необходимости поиска альтернатив уголовной юстиции вообще. Как отмечают некоторые западные (Н. Кристи, Х. Зер) и отечественные криминологи (Я.И. Гишинский, Г.И. Забрянский), традиционные представления о правопорядке, основанном на государственном контроле и устрашении, оказываются несостоятельными. Необходимо пересмотреть привычный образ мыслей, научиться жить в нестабильном и нерациональном обществе.

Наряду с совершенствованием юридических конструкций, направленных на обеспечение прав и гарантий участников процесса, в последние десятилетия в мире стала складываться и противоположная тенденция — формирование альтернативных, внесудебных практик разрешения правовых конфликтов. Альтернативные формы (переговоры, посредничество, арбитраж) нашли широкое применение в разрешении хозяйственных, гражданских, трудовых, административных споров. Коснулась эта тенденция и уголовного правосудия.

В уголовном правосудии, где защищается в первую очередь публичный (государственный) интерес, возможность реализации указанной тен-

денции не столь очевидна. Тем не менее, в последние более чем двадцать лет стали оформляться новая концепция и социальное движение, получившие название «восстановительное правосудие». Сегодня за этим термином стоят разные практические модели реагирования на преступление, объединенные общей идеологией: направленностью на исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление сообществ. Эта концепция имеет много названий, среди них «репаративное» правосудие, «реституционное», «трансформационное» правосудие, за каждым из которых можно увидеть разные аспекты общей идеи.

В рамках этой концепции во главу угла ставится не наказание, а примирение сторон и возмещение ущерба. Центральным элементом восстановительной технологии является посредничество как специально организуемая процедура. В своих истоках восстановительное правосудие как концепция и практика, начавшая свое нынешнее существование в конце XX века в Канаде и США, восходит к общинным способам разрешения конфликтов, направленным на достижение соглашения.

Термин «восстановительное правосудие» появился в 80-х годах XX века в работах, осмысляющих новый опыт, в частности, в трудах одного из разработчиков первой программы примирения жертв и преступников в США, одного из лидеров и теоретиков направления Х. Зера. Как идея, восстановительное правосудие оформлялось в жесткой оппозиции современному карательному, т.е. ориентированному на наказание, уголовному процессу. Таким образом, восстановительное правосудие — это, в первую очередь, другой взгляд, другая философия ответа общества на преступление, другая парадигма.

Понятие парадигмы введено Т. Куном для анализа науки и процессов ее развития, которые он связывает со сменой парадигм. Парадигма включает онтологию (картину мира), методологию, способы решения задач, ценности. Парадигма как способ видения реальности определяет наше восприятие как природного, так и социального мира. В последнее время можно говорить о «парадигматическом» подходе к анализу правосудия, которое рассматривается в контексте целостного мировоззрения и вопросов о формах жизни человеческих общностей. Особенность нынешней российской ситуации — становление постсоциалистического строя — ведет к поискам новой правовой парадигмы в контексте общетеоретических представлений о праве и государстве.

Новая парадигма — это не совершенствование старой, это новый угол зрения, новый взгляд. Явления, восприятие и объяснение которых невозможно в рамках старой парадигмы, носят название «аномалий». Так, для современного уголовного процесса аномалией является учет потреб-

ностей жертвы и преступника, их уполномочивание на решение собственного конфликта. Вообще в современном процессе жертва с ее страданиями является аномалией, поскольку считается, что преступление наносит вред государству. Поэтому резкая критика «карательного правосудия» и связана с его государственноцентризмом, формализмом, отчуждением от человека и той реальной трагедии, которую несет преступление, от тех, кто стоит в центре конфликта — правонарушителя и жертвы. Таким образом, в этой «человеческой» системе координат правосудие ничего не меняет, не исцеляет страдания потерпевшего и не исправляет виновного. Именно это и заставляет сегодня искать какие-то иные, более человеческие способы разрешения социальных конфликтов.

Может ли восстановительное правосудие каким-то образом содействовать решению поставленной проблемы? И можно ли считать подобную процедуру правосудием? С одной стороны, примирение в рамках указанного подхода являет собой альтернативу принятому способу реакции государства на преступление, в этом смысле — это альтернативное правосудие. Хотя, более точно, восстановительное правосудие выполняет ту же функцию, что уголовная юстиция в целом, здесь дело решается «по существу» и действует механизм «исполнения решений». Фактически восстановительное правосудие как идея, как способ является альтернативой карательному процессу. Что же касается практической реализации, то в большинстве стран программы восстановительного правосудия используются в кооперации с обычным процессом, т.е. встраиваются в тело официального уголовного судопроизводства, где окончательное решение по делу осуществляется уполномоченным официальным органом. В этом плане пока имеет смысл говорить о восстановительных программах, но не об альтернативном правосудии, хотя сама по себе передача дел из официальных органов для проведения восстановительных программ и учет их результатов судом свидетельствуют о появлении альтернативной трассы движения уголовного дела и определенном разрушении государственной монополии на разрешение конфликтов между людьми.

Мировые тенденции в области восстановительного правосудия состоят сегодня в его распространении, расширении географии, росте числа служб примирения, количества дел, прошедших через программы восстановительного правосудия, использовании программ восстановительного правосудия в случаях более серьезных преступлений, развитии партнерства с официальной юстицией, укреплении международного сотрудничества, включении идей восстановительного подхода в международные правовые акты, увязывании с национальным законодательством, придании

приоритета в области правосудия для несовершеннолетних, стандартизации новой практики, специальной подготовке ведущих медиаторов.

В Америке создана Ассоциация посредничества между жертвой и правонарушителем (VOMA). В Европе программы восстановительного правосудия активно действуют в Великобритании, Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Германии, Норвегии, Польше, Чешской республике. 8 декабря 2000 года состоялось официальное учреждение Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции — первой в Европе международной организации, объединяющей исследователей, практиков, государственные и неправительственные организации, работающие в этой сфере. В рамках Европейского комитета по проблемам преступности (Совет Европы) создан Комитет экспертов по организации посредничества в уголовных делах, который составил Рекомендацию № R (99) 19 [23], где освещаются основные принципы, правовая основа, вопросы организации и развития посредничества в уголовных делах.

ООН, играя ключевую роль в выработке стратегий, международных правил, стандартов и рекомендаций по уголовному правосудию, в Венской декларации о преступности и правосудии, принятой на Десятом конгрессе по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10-17 апреля 2000 года), отмечает, наряду с прочим, «возможности реституционных подходов к правосудию, которые направлены на сокращение преступности и содействие исцелению жертв, правонарушителей и оздоровлению общин». Пункты 27 и 28 Декларации непосредственно посвящены вопросам посредничества в уголовном правосудии. Разработан проект Резолюции «Об основных принципах использования программ восстановительного правосудия в уголовной юстиции», который принят Комиссией ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в апреле 2000 года. 24 июля 2002 года Экономический и Социальный Совет ООН принял резолюцию об основных принципах применения программ восстановительного правосудия в уголовных делах, где раскрыта сущность восстановительного правосудия и даны основные определения понятиям, используемым в этой системе².

Идеи восстановительного правосудия стали проникать и в Россию. В 1997 году был создан Общественный центр «Судебно-правовая реформа», члены которого начали систематическую работу над созданием условий для использования программы примирения жертвы и правонарушителя в отечественном уголовном процессе. В настоящее время можно подвести некоторые итоги работы данного Центра над проектом «Вос-

становительное правосудие в России», реализуемым совместно с Университетом Де Монтфорт (Великобритания) при поддержке Департамента международного развития Великобритании. У проекта две задачи, которые нужно реализовать в течение трех лет.

Первая задача — *сформулировать юридически корректную и глубокую технологию партнерства общественности и правоохранительных органов (прежде всего, органов прокуратуры) в организации программ восстановительного правосудия.*

Здесь общественности принадлежит новая роль, которая в советском обществе была утеряна. Это очень важный момент, потому что, как правило, поле общественности в области уголовного правосудия — это правозащитное поле. Представители Центра считают, что нужно возрождать утерянную традицию, существовавшую до революции — традицию участия общественности в борьбе с преступностью, когда общественность добровольно принимала на себя часть работы по ресоциализации и интеграции в общество правонарушителей и помощи жертвам. Такая практика с середины XX века стала существенно расширяться во всех странах.

Вторая задача не менее трудная и сложная: *как должны быть укоренены программы восстановительного правосудия.* Кто такой ведущий этих программ? Новая профессия? В мировой практике ведущий занимает самые разные позиции: в Новой Зеландии, например, существует специальный закон и ведущий находится на государственной службе и финансируется государством, в Финляндии эти функции выполняют волонтеры. Необходимо понять, в рамках каких социальных служб и как все это должно функционировать, должны ли ведущие получать деньги или нет, каким должен быть стандарт выполнения обязанностей, кто будет следить за этим стандартом. В рамках проекта необходимо выработать эффективно работающие модели.

Можно выделить следующие основные результаты проекта:

1. За время проекта в трех регионах России — Дзержинске, Москве, Тюмени — достигнуто и подписано соглашение о форме организации работы по проведению программ восстановительного правосудия. В двух регионах — Дзержинске и Москве — проводятся программы восстановительного правосудия. Во всех трех регионах начата работа по институционализации программ восстановительного правосудия.

2. Важным результатом проекта является включение юридического сообщества в лице ведущих московских юристов в работу по продвижению восстановительного правосудия. В январе 2003 года в Институте государства и права, наиболее престижном научном заведении Москвы, была проведена конференция, на которой обсуждалось три блока вопро-

сов: 1) восстановительное правосудие и уголовно-процессуальное право, 2) восстановительное правосудие и уголовное право, 3) восстановительное правосудие и ювенальная юстиция. С докладами на конференции выступили: канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.В. Головки; д-р юрид. наук, профессор И.Л. Петрухин (были зачитаны тезисы ввиду болезни докладчика); д-р юрид. наук, профессор С.Г. Келина; д-р юрид. наук, профессор Э.Б. Мельникова; д-р юрид. наук, профессор С.А. Автономов.

3. Центр «Судебно-правовая реформа» сумел добиться некоторого признания своей деятельности на уровне руководства Генеральной прокуратуры. В марте 2003 года руководитель российской команды проекта Рустем Максудов направил письмо на имя Генерального прокурора В.В. Устинова с просьбой поддержать деятельность Центра в области ювенальной юстиции и восстановительного правосудия. На письмо Максудова положительно откликнулись два управления Генеральной прокуратуры и Институт Генеральной прокуратуры. В то же время представители управления по делам несовершеннолетних Генеральной прокуратуры отрицательно отнеслись к работе по ресоциализации в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В мае 2003 года было дано указание зам. Генерального прокурора С.Г. Кехлерова начальнику управления Генеральной прокуратуры Анкудинову о включении в план повышения квалификации региональных прокуроров темы «ювенальной юстиции и восстановительного правосудия».

4. В настоящее время достигнуто соглашение с руководством Института проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры России при Генеральной прокуратуре о поддержке в разработке программы взаимодействия Центра, Института и управлений Генеральной прокуратуры для поддержки ювенальной юстиции и восстановительного правосудия, а также формирования проекта законодательных предложений для субъектов законодательной инициативы для создания благоприятных условий проведения программ восстановительного правосудия.

5. 21 мая 2003 года в Институте Ген. прокуратуры в рамках проекта, а также при поддержке PRI был проведен семинар с участием представителей Института и управления Генеральной прокуратуры, региональных прокуроров и судей, которые в своих регионах отработывают элементы ювенальной юстиции. На данном семинаре обсуждались результаты и проблемы продвижения ювенальной юстиции и восстановительного правосудия. На семинаре 21 мая в Институте Ген. прокуратуры

региональные прокуроры и судьи, которые в своих регионах отработывают элементы ювенальной юстиции, признали необходимость включения в эксперименты по отработке элементов ювенальной юстиции программ восстановительного правосудия. В настоящее время достигнута договоренность между Рустемом Максудовым и Николаем Шиловым, председателем ассоциации ювенальных судей России, о совместном проведении мероприятий по отработке элементов ювенальной юстиции.

6. 22 мая в Академии правосудия при Верховном Суде России был проведен круглый стол также с участием региональных прокуроров и судей, которые в своих регионах отработывают элементы ювенальной юстиции для судей всех 80 регионов России.

7. В рамках проекта проводится работа над созданием условий для взаимодействия представителей органов уголовной юстиции. Центр является единственной в России неправительственной организацией, которая работает над созданием условий для взаимодействия прокуратуры, судей и работников милиции в отработке элементов ювенальной юстиции и восстановительного правосудия. В настоящее время Центр «Судебно-правовая реформа» является также единственной в России неправительственной организацией, которая работает над созданием практически работающей технологии ювенальной юстиции на базе восстановительного правосудия.

Сегодня требуется продолжение проекта по следующим направлениям:

1. Легализация программ восстановительного правосудия через разработку программы взаимодействия и алгоритма проведения программ восстановительного правосудия на базе нового УПК РФ и признание такой программы и алгоритма со стороны Генеральной прокуратуры, МВД и Верховного Суда.

2. Развитие концепции реализации восстановительного правосудия и ювенальной юстиции через совместную работу с юристами, работающими в учебных и научных заведениях.

3. Поиск наиболее эффективной формы институционализации программ восстановительного правосудия в рамках различных социальных учреждений в Москве, Дзержинске и Тюмени.

4. Ознакомление юристов, работающих в учебных и научных заведениях, работников прокуратуры, судей и работников милиции России с опытом создания элементов ювенальной юстиции, проведения программ восстановительного правосудия в Москве и регионах.

5. Формирование во взаимодействии с Институтом Генеральной прокуратуры проекта законодательных предложений для субъектов законо-

дательной инициативы с целью создания благоприятных условий для проведения программ восстановительного правосудия.

б. Изучение специалистами Центра, юристами, работающими в учебных и научных заведениях, работниками прокуратуры, суда, милиции европейского опыта и документов Совета Европы и ООН, рекомендующих проведение программ восстановительного правосудия.

Таким образом, в системе традиционного судопроизводства уже произошли существенные сдвиги, игнорировать которые нельзя. Данная статья является приглашением к диалогу всех желающих понять современные тенденции развития системы уголовной юстиции.

Примечания

¹ Цит. по: Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: учебное пособие / под ред. Л.М. Карнозовой. – М., 2001. – С. 72.

² См. текст Резолюции на сайте http://www.commonground.org.ua/basic_principles.html

*С.В. Юношев**

ТРЕБОВАНИЕ «РАЗУМНОГО СРОКА» РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛА В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы. Более того, общепризнанные принципы и нормы международного права, содержащиеся в ратифицированных Россией международных договорах, имеют преимущество перед внутригосударственными законами.

С 5 мая 1998 года Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹ вступила в силу на территории Российской Федерации и на ос-

* © Юношев С.В., 2007

Юношев Станислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет